

Е I 4029

АПОЛОГИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Остоленова.

Гос. Ун-т

Научная

Библиотека им.

Горького

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

CTIA

АПОЛОГИЧЕСКІЯ 2133.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Деп. Гос. Ун-т
Библиотека им
Горького

№ 4000

НИКОЛАЯ ОСТОЛОВА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ЖЕ

СОЧИНЕНІЯ ПОЭМЫ:

ПРИВИДѢНІЕ.

5471
Сія книга мофетр
бзгтв ввпущена
въ типографіи.
12 сентябрь 1827.
САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ценою К. Сербинова
1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, предспа- влено было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ, для доспавленія, куда слѣдуешь, на осно- ваниі узаконеній. С. Петербургъ, 10 Маія 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ

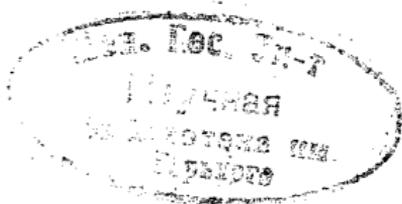
ОГЛАВЛЕНІЕ

Апологическихъ Стихотвореній.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	vii
Фіалка и Подсолнечникъ	1
Наказанная Лисица	3
Круговая порука	4
Осель и Камень	5
Слабая подпора	6
Барбось	7
Няня	8
Львы и Осель. (Подражаніе)	9
Басня Крылова	11
Спрѣла (Подражаніе)	12
Быкъ въ огородѣ	13
Юноша и спарикъ (Подражаніе)	14
Смошрѣ звѣрей	16
Диша и бришва	17
Зябликъ	18
Возы съ сѣномъ	21
Садовникъ	23
Вѣсы	24
Али - Паша	25

	<i>Стран.</i>
Комаръ и Мошка	27
Ребенокъ	28
Часовая спрѣлка	29
Хромый	31
Ландышь	32
Нерѣшительность	33
Осель силачь	35
Липочка	37
Декорациѣ	38
Лужокъ и Лужа	40
Знай время	42
Манежная лошадь	45
Свѣщающійся Червячекъ и Алмазь	46
Судишель	48
Конь и Бѣлка	49
Арабъ и Бѣлой	50
Знакомые	51
Мѣлководіе Лешы	52
Клишь и книга	53
Осторожный слѣпецъ	54
Поэма <i>Присидѣніе</i>	59

АПОЛОГИЧЕСКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

СПбГУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ пѣть при Соловьѣ? Одинъ лишь, право,
смѣхъ!

Сказала Снигирю Малиновка съ досадой:
Ему хвала, признательность отъ всѣхъ,
Тебѣ презрѣніе наградой. —

Согласенъ, душенька, Снигирь промолвилъ ей,
Что всѣхъ пльнляетъ Соловей;

Но я и самъ того нибудь да стою:
Я больше Соловью цѣны даю собою.

СП6ГУ

АПОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ФІАЛКА И ПОДСОЛНЕЧНИКЪ.

Фіалка изъ правы головку чужь казала;
Предъ ней Подсолнечникъ споялъ,
И вѣчно скромницу собою заземнялъ.

Фіалка, видя шо, однажды шакъ сказала

Сосѣду своему:

«Подсолнечникъ! къ чему
Ты солнечныхъ лучей ко мнѣ не допускаешь?

Иль ты желаешь,

Чтобъ я цвѣсти нисколько не могла?
Чтобы я высохла и послѣ умерла?

Или ты жалоси не знаешь,

Мой другъ...«Негодница! какъ смѣешь ты просишь,
Какъ голосъ свой ко мнѣ ты смѣешь возносишь?

Тебѣ назначено расти и быть чужь зримой,
Терни лишь и молчи!

А я, я Феба сынъ любимой,
Я спану ли съ тобой дѣлишь его лучи,
Съ такою низкою, презрѣнной!
Тебѣ ли здѣсь цвѣсти? Гдѣ я, краса вселенной,
Тебѣ шупь мѣща вѣшь! —

Едва Подсолнечникъ окончилъ свой оплѣтъ,
Вдругъ вѣшеръ засвѣспалъ; Фіалка приклонилась,
И вѣшеръ пролетѣлъ — Фіалка разпрямилась,
И что же видитъ предъ собой?

Подсолнечникъ, кошорый красной
И силою гордился
И всѣхъ пренебрегалъ,
У корня своего сломился
И самъ къ ея ногамъ упалъ! —

Вы, гордые вельможи,
На сей Подсолнечникъ похожи!
Здѣсь вамъ урокъ;
Вы сильны — васъ сильнѣ рокъ!
Одумайшесь, смиришесь,
И передъ низшими нимамо не гордишесь.

НАКАЗАННАЯ ЛИСИЦА.

Лиса у мужика въ курятникѣ засѣла
И ну душишь цыплятъ! напѣшилась, пошла,
Да видя, что всего не переѣшь добра:

« Довольно! — молвила — домой пора!

Простите оспальныя!

Въ мѣсна укромыя, лѣсныя,

Заранѣ лучше убѣгу! »

Помчалась — а слѣдокъ и видѣнь на снѣгу!

Не шрудно догадаться,

Что Лисанькѣ безъ казни не оспанься:

Легко нашель ее мужикъ

И Лисанька — пошла на ворошникъ.

Что если бы въ большомъ-шо свѣпѣ

Слѣдокъ былъ видѣнь у вороевъ?

Тогда, божишься я гошоеъ,

Иной не скрылся бѣ — въ кабинетѣ.

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

На въпочкѣ сидѣла мошка,
И Мошку Зябликъ съѣлъ,
А Зябликомъ позавтракала Кошка,
А Кошку подхватилъ Орелъ
И скушалъ на верку Кавказскаго утеса.
Орла, какъ слышалъ я,
Убилъ ошъ скуки изъ ружья
Какой-шо башюшкинъ сынокъ повѣса;
Повѣсу невзначай ужалила змѣя:—
Не круговая ль по порука
И намъ наука?
Мы всё на свѣтѣ шаковы!
Головы припѣснись того, кшо насъ слабѣе,
А шо и вонъ изъ головы,
Чшо ешь и насъ сильнѣе.

ОСЕЛЬ И КАМЕНЬ.

« Умень и перфильмъ! шолкалъ его и билъ,
Не охнулъ! — пакъ Осель о камнѣ говорилъ.
Болнъ скопчикъ нашъ мнѣ кажется скопиной:
Я давнче того не много зацѣпилъ,
А онъ меня дубиной!»

И по дѣломъ, Осель! пшъ знай себя,
Того не задирай, кшо смышленѣй шебя.

СЛАБАЯ ПОДПОРА.

Эрасль игралъ,
Успалъ,
Къ кусночку прислонился,
Кусночикъ повалился
И съ нимъ Эрасль упалъ.
Учитель такъ ему сказалъ:
Какъ будешь ты великъ, въ ту пору
Спайся, другъ мой, не забудь,
Что лучше безъ опоры быть,
Чѣмъ слабую имѣть опору.

БАРБОСЪ.

Барбосъ на солнышкѣ лежалъ,
Валялся, вѣжился и шихъ былъ, какъ шеленокъ;
Но вдругъ вскочилъ, замаялъ, завизжалъ?...
«Взбѣсился, можешь бышь?»—Нѣтъ, усѣкнулъ
поваренокъ.

Филокъ меня бранишь! причину я смекнулъ:
Его пріишель подсирекнулъ.

Н Я Н Я.

«Ивановна! за чѣмъ у васъ темно?

Вѣдь свѣчекъ много вамъ дано:

Дипля, я думаю, скукаешь!

Оно заляпся бѣ чѣмъ нибудь могло.»

Я погасила, няня ошвѣчаешь,

Чтобъ ручки, машушка, не обожгло.

Умналь Ивановна? по мнѣ такъ плоховата:

Умѣй дипля беречь,

Чтобъ ручки не могло и со свѣчой обжечь;

Когда же обожжешь — не свѣчка виновата.

Л Ъ В Ы И О С Е Л Ъ .

Двумъ гордымъ Львамъ,
Которымъ не было совсѣмъ причины вздорить,
О храбрости пришло на умъ поспорить.

Давъ волю напередъ словамъ,

Два сильные героя

Дошли ужъ и до боя;

Покрыла землю кровь,

Споишь воздухъ наполняешь

И каждой ихъ ударъ лишь злосию воспламеняетъ,
И съ большей яростью велишь имъ драться вновь.

Желя жъ кончили споръ скорѣе,

Напружились они въ послѣдній разъ сильнѣе...

Какъ вдругъ

Ихъ слухъ

Ужасный хохотъ поражаетъ;

Львы глядъ—Оселъ споишь! со смѣху помираешь,

Кривляется Оселъ и дразнишь Львовъ.

Тутъ Львы опомнились. « Не спыдноль намъ!

сказали,

На шо ли кровь мы проливали,

Чтобы смѣшинъ Ословъ ?

О вы, которые Природою благою
Назначены пѣнять умомъ и остроумой,
Любимцы Музъ! за чѣмъ всегдашнюю враждою
Глупцовъ увеселять за собственный покой?
Хранили дружбу вы, и ненависть забудете!
Какъ Музы всѣ сеспры—всѣ братьями вы будите.

БАСНЯ КРЫЛОВА.

Прочши-ка басенку Крылова,
Сказала сыну мать — и вопль чипаешь *калѣ*.
Я вѣкъ не испыталъ мученія шакова!
Сынъ басню разбиралъ безъ толку по складамъ.
Кого жъ шушь повинишь? Конечно не Крылова,
Конечно не сынка; а повинише мать
За то, что неуча шакова
Прекрасные стихи заспавила чипашъ.

СТРѢЛА.

Взлещѣла изъ лука стрѣла,
Всѣхъ птицѣ опередила
И имъ съ насмѣшкой говорила:
На что же крылушки Природа вамъ дала,
Бѣднижечки?... Да ны вѣдь силою чужою,
Кричала Щегленокъ въ слѣдъ, спозналась съ высокою,
А упадешь — сама собою.

БЫКЪ ВЪ ОГОРОДѢ.

Сбѣжался кучею народъ—

И я остановился.

Быка пустили хозяинъ въ огородъ,
Чтобъ справкой подлѣ грядъ немножко покормился;
А быкъ безсовѣстный помчался по грядамъ!
Хрустяишь лишь огурцы да кочни подлѣ ногами!

Вошь спали выгоняишь, а быкъ — рогами,
И задалъ переборъ порядочный бокамъ!
Ну, вошь и выгнали и дверцы зашворщали...
Да, чаю, огородъ не скоро насадили.

Охъ! лучшебъ не впускаишь быка:
Не пострадали бы ни гряды, ни бока.

ЮНОША И СТАРИКЪ.

«Скажи, почтенный мужъ, чѣмъ счастье найши,
Какимъ путемъ идиши?»

Я думаю, что ты довольно это знаешь.»

Эрастъ Философа спросилъ.

— Послушай, юноша! Когда желаешь,

(Мудрецъ Эрасту говорилъ)

Найши fortuna въ здѣшнемъ свѣтѣ,

Два средства я скажу: имѣешь ли въ предметѣ

Героемъ славнымъ быти?

Такъ надобно тебѣ опечеснѣть служити,

И сопоспашовъ побѣждая,

Рѣкою кровь ихъ проливая,

Себя ни мало не щадишь.

Вотъ средство первое! скажу теперь другое:

Когда желаешь жить въ покоѣ,

То мудрости возлюби, согражданъ просвѣщай;

Пороки, спроси отвращай

И самъ примѣромъ будь: тогда конечно

Не будешь ты забвѣнъ согражданами вѣчно..

Эрасть ему внималъ,

И выслушавъ, пришелъ въ ужасное смущенье.

«Какъ! Боже мой!» съ собой онъ разсуждалъ,
«Иль жизнью жертвовашь, иль вѣкъ жить въ
принужденъ?»

Мудрецъ, примѣшивъ то, съ улыбкою сказалъ:

Еще легчайшее одно я средство знаю:

Всѣмъ кланяйся да лести; себя я увѣряю,

Что счастье тогда скорѣе ны найдешь,

Въ чины войдешь,

Заспавяишь управляишь доходными мѣстами,

И будешь наравнѣ съ большими господами.

СМОТРЪ ЗВЪРЕЙ.

Смотрѣли ли вы звѣрей?—Сегодня видѣлъ всѣхъ:
Медвѣдя, барса, льва. Какъ важны! прочь скорѣе
Опѣ ихъ я въ сторону. Вошь здѣсь-шо... что
за смѣхъ!

Кривдается, шалишь, часъ опѣ часу милѣ!
Признашся, я не мощъ, а пряниковъ скормилъ
Почпи на цѣлой рубль; да что, не до изьяну!
И опѣ роду себя я шакъ не веселилъ!—
Когожъ вы подчивалъ?—Ахъ, брапець, обезьяну.

При этомъ случаѣ скажу, кошъ не свое:
Шушамъ всегда, вездѣ—привольное живье.

ДИТЯ И БРИТВА.

Дитя, взявъ бритву, бриться спало,
Порѣзалось и закричало.

Вошь маменька на крикъ бѣжидь!

(Ужъ я бы баловня шакова!...)

Но маменька ему ни слова,

Цѣлуешъ да крестидь,

Лишь бритву всю она въ кусочки изломала.

Помилуй, душенька, супругъ ей говоришь,

Чѣмъ бритва виновата спала?

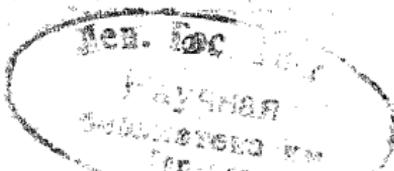
Я брѣюсь ею десятишь лѣтъ,

Вреда жъ, по чесши, нѣтъ.

Такъ виновата ли, скажише, просвѣщенье,

Когда ему даюшь худое направленье?

5471

З Я Б Л И К Ъ .

Зяблицъ лешая,
Вольноспль хвалкль;
Чижицекъ въ кльицкѣ
Слушалъ его.

Милая вольноспль!
Зяблицъ сказала,
Ты мнѣ дороже
Въ свѣтѣ всего.

Тамъ я лешаю,
Гдѣ захочу;
Нѣтъ мнѣ преграды
Вѣчно нигдѣ.

Въ роцѣ, доливѣ,
Въ шемномъ лѣсу,
Лишь пожелаю,
Быть я могу.

Здѣсь я съ подружкой
Милой рѣзволюсь;
Тамъ съ нею сидя,
Пѣсни пою.

Все мнѣ къ веселью
Служишь вездѣ;
Все мое счастье,
Вольнось, въ тебѣ!

Чижицкѣ! полно
Въ кавчкѣ сидишь;
Спанемъ со мною
Вмѣстѣ лежань!

Только лишь Зябликъ
Рѣчь окончалъ,
Видишь мой Зябликъ:
Коршунъ лежишь.

Гдѣ мнѣ укрѣнсья?...
Чушь онъ бѣдняжка
Въ страхѣ ужасномъ
Молвишь успѣль.

Коршунъ стрѣлою
Въ мигъ налетѣлъ,
Въ мигъ вольнодумца
Въ когти схватилъ.

Чижицекъ вздрогнулъ,
Сѣлъ въ уголокъ,
И пошхоньку
Такъ говорилъ:

Мнѣ здѣсь и въ кѣшкѣ
Жить хорошо!
Доброй хозяйкѣ
Любимъ меня.

ВОЗЫ СЪ СѢНОМЪ.

« Нѣтъ, вѣтъ, Гяѣдой! никакъ не уступлю!

Я унижаюсь не люблю!

Какъ возы повеземъ, смотри, спускай за мною!

Я въ Пишерѣ возилъ секретаря съ женою,

Да только иногда

Съ дворцовой приспани вода

Въ боченкѣ легонькомъ на мнѣ капалась;

Теперь-то черная работа мнѣ доспалась!

Однако духъ мой не унылъ;

Смотри, какъ впереди пойду я горделиво. —

Изволь идти счастливо,

Сказалъ Гяѣдой... и возы повезли.

Послушайте жъ : когда дорогой шли,

Гяѣдой къ переднему все возу подбигался,

Считалъ сѣнцо, да наѣдался;

А Рыжій съ гордостью лишь удилъ глодалъ,

И шакъ оголодалъ,

Что до ночлегу зупь добрался.

И выскочекъ шакихъ между людьми видалъ.

У нихъ въ умѣ всегда шревога:

Чинокъ бы лишній взять, опередишь другихъ.

Избави Господи оныхъ замысловъ шакихъ!

Переднему шрудяй дорога.

СПббгу

САДОВНИКЪ.

Расли левкой на грядѣ
И къ нимъ речейникъ прилѣпился!
Садовникъ Фирсъ въ шакой бѣдѣ
Поплакалъ, попужилъ — и наконецъ рѣшился,
Чтобы усилишься речейнику не дашь,
Гряды не поливашь. —
Речейника въ три дни какъ будио не бывало,
Да что жь съ левколки-шо спало?
Кпо спорить! надобно худое испребитъ;
Но съ нимъ хорошаго не надобно губить.

В Ъ С Ы.

«Смогрише, башюшка, диковина какая:
Тамъ тридцать гирь, а здѣсь одна тяжесть ихъ!»
То фунты, милой другъ, а это пудовая...
Мудрецъ важнѣй шолшы въ сужденіяхъ своихъ.

А Л И - П А Ш А.

Али-Паша, Деспотъ Янинны,
Однажды, кровью жертвъ насытивъ, отдыхалъ
И такъ на единъ шепталъ:
Дай средство, Магомешъ, открой мнѣ тайны,
Опъ коихъ людямъ вѣмъ я независенъ спалъ!
Не спрогь я казнь пороки, преступленья?
И не спарюсь ли, чшобъ лучшимъ видѣть свѣтъ,
Ошибки самыя карать безъ снисхожденья?
А все кажусь не правъ! открой же, Магомешъ,
Чѣмъ я могу къ себѣ привлечь любовь, усердье?...
«Будь спрогъ, какъ Ишина, и добръ, какъ Милосердье!
(Вдругъ голосъ раздался) подвасныхъ будь опецъ
И преданносшь къ себѣ увидишь пы сердцеъ.
Но пы — безъ милосши; лишь кровь — швоя опрада;
За шо — прокляше одна шебѣ награда!»
Кшо пы? вскричалъ Паша. «Твой мститель Магомешъ,
Сказалъ смѣльчакъ Дервишь, сидѣвшій за стѣною, —
И смущенъ спалъ ширанъ! пророческій опвѣлъ
Злодѣйскою попрысъ душою!

Съ пѣхъ коръ сей страшный влаетелннъ
Боялся бытъ одинъ.

Такое дѣйствіе чашацелю понятнн...
Уединеніе! шн добрымъ лишь пріятнн.

СПбГУ

КОМАРЪ И МОШКА.

«Ошшпань, ошшпань, пискунь! со мной не бышь добру!

Ужь дамъ ли укусишь себя я комару?»

Карпъ Силычъ говорилъ, обЪими махая;

А Мошка шой порой, шихошенько поркая,

Усълась, скромница, на глазъ у него,

И чухъ вздыхая

Такъ пиннула, что Карпъ не взвидѣлъ ничего.

Такихъ между людьми не мало ешь примѣровъ!...

Не бойшесь крикуновъ, а бойшесь лицемѣровъ.

Р Е Б Е Н О К Ъ .

«Ай, Ванюшка, ну, ну, живѣ!...

Смотрише, какъ идешь!

Не бойся, миленькой! вопъ здѣсь лошадка ждешь;

Возьми скорѣ!»

Хоть Ванюшка сперва немножко оробѣлъ,

Но шагъ спунилъ, а шамъ смѣле да смѣле,

И въ мѣсяцъ бѣгашъ ужъ умѣлъ.

Напрасно кришика шакъ часто забываетъ,

Чпо одобреніе шаланшъ развиваетъ.

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

На башнѣ городской,
Съ ошдѣлкой щегольской,
Съ фигурами, рѣзные,
Изъ за моря нарочно выпиcные,
Для пользы города и для красоты,
Часы

Споили.

Всѣ жилили работы опираляли,
Молились, кушали и спали

По эшимъ городскимъ часамъ.

Казалось, солнышко по небесамъ
Съ ихъ приказаніемъ кашалось согласно;
Но вдругъ... и вымолишь ужасно!
Часы забыли долгъ, художникову честь,
И цѣлой Божій день показывали шестъ!
Сказашъ ли опъ чего? Причиною бездѣлка:
Ослабла спрѣлка.

Какую же мораль къ сей басенкѣ привесть?
Я попрошу скажу: куда смотрѣшь досадно
И какъ не пожалѣшь опъ искренней души,
Когда въ часахъ пружины хороши
А дѣйствіе идешь нескладно!

СПбГу

ХРОМЫЙ.

Дамонъ! что вижу я? Давно ли

Ты сдѣлался хромымъ? —

Ахъ, милой другъ, измучили мозоли;

Я съ роду не бывалъ колъкою шакимъ! —

Да ны все въ новенькихъ сапожкахъ щеголяешь. —

Меня давно ны знаешь,

Я долго не ношу. — Ну, въ шомъ-шо и бѣда! —

Помилуй, что за вздоръ! — въ швоей, любезный, волъ;

Но еслибъ сапоги *одни* носилъ ны долъ,

Такъ не былобъ ногамъ вреда.

А я слыхалъ, какъ въ шары годы,

Попавъ нечаянно Проныринъ въ воеводы,

Пошачкѣ Набольшихъ благодаря,

Что мѣсяцъ, шо смѣнялъ секретаря:

Дѣла Пронырина запушались, скопились,

И у просителей мозоли понабились.

ЛАНДЫШЬ.

Росъ ландышь — не доросъ; зачахъ, упалъ и сгнилъ:
Его опъ солнышка репейникъ заслонилъ!

Не то ли-жъ самое съ шаланнами мы видимъ,
Когда... но замолчимъ! кого нибудь обидимъ.

НЕРЪШИТЕЛЬНОСТЬ.

Слышали ль вы когда испорью объ ослѣ?

Слышали — я увѣренъ;

Но къ спасенію повторишь намѣренъ.

Не знаю, въ нашей ли, или въ чужой землѣ

Жилъ былъ оселъ. Изъ всей породы

Счастливейшій эшаго осла никто не зналъ:

Всегда почти изъ рукъ хозяина ѣдалъ,

Всегда рѣзвился и брыкалъ;

Былъ сущій *баловень природы*.

Хозяинъ объ одномъ лишь только сожалѣлъ,

Что мало другъ его шолспѣлъ;

Но и шому помочь хотѣлъ:

Любовь на выдумки богаша!

Ослу назначена особая палаша,

Вездѣ ковры, а на коврахъ

Во всѣхъ углахъ

Гошovy борохи ячменя и пшеницы

И проса и овса... И вопъ оселъ введенъ!

Какъ былъ онъ восхищенъ

Пріяшностью свѣшлицы!

И вошь поворожилъ зѣницы
На пригошовенный запасъ...

Онъ вздрогнулъ... вскрикнулъ громогласно
И улыбался цѣлой часъ
Таинственно и сладострастно.

Пошомъ онъ думалъ шакъ: я дамъ себя узнать,
Лишь дѣло въ шомъ, съ чего начать,
Все сышно и прекрасно!

Онъ думалъ цѣлой день — напрасно!
На завшра все еще не кончилъ разсуждать,
И словомъ, до того въ раздумьи иноснился,
Что и съ запасами и съ жизнью проснилси.

ОСЕЛЪ СМЛАЧЪ.

Купецъ изъ дому въ домъ перевозиться спалъ—

И лошадей кормили до опвалу.

Оселъ увидѣлъ шо, присмалъ,

И говоришь: «Кони! а возишь все по малу;

А я бы...» Ну, изволь, сказала купецъ нахалу,

Посмотримъ! — и Ослу полчетверши овса!

Поѣлъ и запрягли и шопчасъ выюшишь смали.

И вошь работники ужъ цѣлой возъ наклали...

Довольно ли? — «Какія чудеса!

Конечно объ Ослахъ не много вы слышали:

Да я всю эту кладъ свезу одной ногой.»

Прибавили еще сундукъ, попомъ другой,

И вошь возище нашъ сравнялся ужъ съ дугой!

Довольно ли? — «Вамъ, брашцы, что за дѣло;

Валише смѣло,

Я шопчасъ докажу...» и въ мигъ рвануль,

Напружился, нагнулся,

Еще рвануль—и возъ вверхъ дномъ перевернуль

И самъ померивый распянулся.

Кшо не по силамъ браць спарается дѣла —
Пожь на знато осла.

СПбГУ

Л И П О Ч К А .

Скажи мнѣ, Липочка, что пакъ ты подурнѣла?
Куда дѣвала ты всю красону свою?
Ахъ! я при солнышкѣ росла и зеленѣла;
Теперь — въ тѣни спую.

Легко къ сей баснѣ примѣненье:
Таланны липочка, а солнце одобренье.

ДЕКОРАЦІИ.

«Хопъ я и не богащъ,
 А прогулять пришлось *синицу* (*)
 (Сказаль помѣщикъ нашъ Филантъ,
 Прїѣхавъ по дѣламъ въ столицу)
 Пойду въ шапръ!» — Пошелъ — сидишь,
 На декорации глядишь
 И шакъ сосѣду говоришь:
 «Ну, башюшка, и я сегодня вижу ясно,
 Что живописцы здѣсь большіе мастера;
 Какъ нарисовано прекрасно!
 Ужъ эшо ли не храмъ? ужъ эшо ль не гора?
 И вошь долина вся усьяна шапрами!
 А шамъ — почисхонько ручей
 Течешъ между двѣпями!
 Хвалишь не достаешъ рѣчей!...»

(*) Въ нѣкопрыхъ провинціяхъ — въ шушкахъ и въ просхорѣчїи — называются ассигнаціи: синяя *синицею* или *синюшкою*, красная *краснушкою*, бѣлая *бблянкою*.

И подлинно не худо,
Сосѣдъ съ улыбкой опѣвчалъ;
Но... я вамъ покажу еще другое чудо. —
(Филашъ опъ радости чунь чунь не закричалъ.)
Все кончилось. Сосѣдъ Филаша взялъ на сцену
И къ декораціямъ подвелъ...
Узнали ль живопись? — Увидѣвъ перемѣну,
Филашъ осполбенѣлъ. — « Я, право, не оселъ,
Онъ молвилъ съ огорченьемъ;
Не спыдно ль, мой опецъ, смѣяться надо мной?
Не могъ имѣниться я шакою песпропой! » —
Вы обманулись опдаденьемъ,
Сказалъ сосѣдъ смѣясь, и кончилъ поученьемъ:
И въ людяхъ часно мы находимъ сей обманъ!
Инаго изъ дали мы геніемъ считаемъ,
А какъ приблизимся, узнаемъ,
Что онъ — нешесаный болванъ.

ЛУЖОКЪ И ЛУЖА.

« Дивлюсь я, лужа говорила,
Дивлюсь, лужокъ, шерпѣнью швоему!
Мнѣ кажется, всему
Тебя природа подчинила!
Все переносишь ты!
Видала я, какъ рвуть съ тебя цвѣты;
Какъ дѣвушки небрежно играютъ,
И какъ, бѣдняжка! вечеромъ
Паспушка съ паспушкомъ,
Гоня стада, швою муравку обминають!
Я излужа съ досадою смотрю,
Жалѣю о тебѣ; но, впрочемъ, говорю,
Что самъ причиной ты нестерпимаго мученья:
Какъ не умѣшь снискашь почтенья?
Бошь, напримѣръ, меня ни человекъ, ни звѣрь,
Изъ вежливости не обидишь —
Обходишь, лишь увидишь.»
Ну, кончила ль? спросилъ лужокъ — шеперь

И я свое не скрою мнѣнье:

Да! мнушь меня, но я ни мало не шужу,
Когда забавою и пользою служу;

Тебя жь щадить — одно къ тебѣ презрѣнье.

Что въ баснѣ кроется? — А, право, ничего.

Хотѣлъ бы полько я, чшобъ Мевій догадался,

За чѣмъ никто не принимался

Кришиковать стиховъ его.

ЗНАЙ ВРЕМЯ.

Грѣшно перяшь слова не въ пору, по пусшому!
Вошь сказочка по случаю шакому :

Въ ночь ясную, зимой,
Откуда-шо домой

Два кума-мужичка шихонько пробирались
И, молча, швердикю алмазной любовались;
Но вскорѣ начался межъ ними разговоръ:
Что если бѣ звѣзды всѣ, Архипушка, свалились?
Я чаю, на гумнѣ бѣ онѣ не помѣспились. —
И! Сидоръ, пошь сказалъ, какой несешь шы вздоръ!
Да велики ль онѣ? вѣдь съ воспрее иголки,
Такъ сколько есть ихъ въ высонѣ,
Улягунся и въ рѣшетѣ. —
И вошь у Сидора пошли съ Архипомъ шолки,
Какъ звѣзды падаюнъ и велики ль онѣ:
Войдушъ ли въ рѣшето, иль шолько на гумнѣ
Имъ помѣспинься можно.
Однако жъ споръ окончишь должно!

Условились зайти къ приходскому дьячку,

Который на своемъ вѣку

Учился физикѣ и слылъ краснорѣчивымъ.

Зашли — и рассказали споръ.

Друзья! сказалъ дьячокъ со взглядомъ горделивымъ,

Садись, слушайше! — вѣдь это мисеоръ,

Что спадшею съ небесъ вамъ кажется звѣздою;

Вѣдь каждая звѣзда своею величиною

Поболье земли, ну, такъ скажешь, въ миллионъ;

А электричества законъ,

Упругость воздуха, эфиръ тому виною,

Что загарающа горючи веществу;

И можно ли, чтобъ Царь премудрый Естество

Нарушилъ вѣчные уставы?...

Да кто же правъ изъ насъ? скажи, опецъ родной,

Крестьяне говорящъ, ужъ намъ пора домой...

Эхъ, братцы! оба вы не правы,

Сей часъ вамъ докажу... Но мужики бѣгомъ!

И всю дорогу хохотали,

И дома рассказали

Какъ видѣлись они съ дьячкомъ,

Какъ чернокнижнымъ языкомъ

Онъ съ ними объяснялся. —

На завтра въ колдуны ученой нашъ попался,

Онъ ихъ въ безбожники одинъ лишь шолько шагъ,

И наконецъ во всѣхъ окружныхъ волосныхъ

О дьявольскомъ его художествѣ узнали;
Крестьяне, встрѣпясь съ нимъ, крестились и
дрожали,
И приглашашъ къ себѣ на праздники не спали.

Дьячокъ!... *conclusio*: съ невѣждами молчи,
И бисера предъ ними не мечи.

МАНЕЖНАЯ ЛОШАДЬ.

Досталась мужику манежная лошадка.
Мужикъ съ ней возишся день цѣлой до припадка,
А шолку вѣшь!
Лишь шолько на нее — лансадъ или курбешъ,
Иль пустишся въ галопъ, или въ карьеръ помчишся
И всадникъ мой — какъ снакъ валишся.
Что дѣлашь? — видно мнѣ бѣды не миновашь
Съ шакой мудреною скопиной,
Сказалъ мужикъ, и шакъ хвашилъ дубиной,
Что школьную — извольше поминашь.

Скажи, Демьянъ, чистосердечно,
Куда ны умнаго дѣвалъ секретаря?
Ошсавилъ?... Да, конечно!
Онъ не помнѣ! — Спускашь не любишь кубаря.

СВѢТЯЩІЙСЯ ЧЕРВЯЧЕКЪ И
АЛМАЗЪ.

Алмазь и червячекъ лежали рядомъ,
Когда полдневный лучъ во всей красѣ блисталъ.
Алмазь, гордясь своимъ сіяшельнымъ нарядомъ,
Сосѣду червячку съ улыбкою сказалъ:

«Теперь я вижу, не напрасно
Въ народѣ говорятъ, что свѣщичишь ты прекрасно;
Какой прележкой свѣщъ и цвѣти!»

Смиранный червячекъ немножко оскорбился,
Однако до ночи османилъ свой опвѣщъ.
И вопшь Природы царь ужъ въ волны погрузился:
Блеснулъ мой червячекъ; алмаза будшо нѣщъ.

—Теперь, сосѣдушка любезный,
Алмазу онъ сказалъ, послушай мой опвѣщъ,
Бышь можешъ, для шебя и для другихъ полезный!
По блеску никогда я не сравнюсь съ шобой:
Твой блескъ онъ солнышка, а мой ужъ шочно мой.

Иной гордится,
Что онъ почтенъ и знаменъ по уму;
Возьми-ка дядю прочь, сесприцу иль куму!
Ни въ строй, ни къ смотру не годится.

.....

СПбГУ

С У Д И Т Е Л Ъ.

«Ахши, землякъ! въ своемъ ли шы умѣ?
Ты хочешь осушить Фоншанку?»
Сказалъ Аншонтъ Фомѣ,
Прибавивъ не шуля побранку.
Фома качалъ насосъ;
Но, выслушавъ споль смѣшанный вопросъ,
Остановился
И шакъ съ Аншономъ расплашился:
Аншонушка! шы хуже, чѣмъ осель!
Что въ голову пришло тебѣ, уроду?
Не выкачашь хочу я воду,
А накачашь въ кошель.

Досадно, какъ незѣлды
Нагнушь дѣла цѣнишь!
Умѣй хошь кодексъ сочинишь,
А умнымъ слышь опѣ нихъ ни малой нѣшь на-
дежды.

КОТЪ И БѢЛКА.

Не спи́дно ль, Васька, все ты спи́шь?

Грѣхъ смериный празднишь! —

Да что въ швоемъ шрудѣ? — Какъ что, кака́я разнось!
И́тъ, БѢлка! колесо ты попусцу вершишь.

Дамонъ всегда швердитъ: *залушенъ я облами!*

А ешь ли въ эиномъ прокъ? — Ну, рассуждайце сами.

АРАБЪ И БЪЛОЙ.

Арабъ и Бѣлой при огнѣ

Вдвоемъ сидѣли,

Разсорились и зашумѣли.

Ты смѣешь ли, уродъ, противорѣчить мнѣ?

Вдругъ Бѣлой закричалъ. Не на смѣхъ ли природа

Арабовъ создала для человѣчья рода? —

Жвасхунъ! сказалъ Арабъ въ отвѣтъ,

И попчасть черною рукою

Онъ попустилъ огонь. Теперь я схожъ съ побоею :

Во шмѣ различья кѣшь.

Гасише свѣтъ наукъ, невѣжды, поскорѣе!

При свѣтѣ — вы видѣте.

ЗНАКОМЫЕ.

Дорогой шли Назаръ да Климъ
И Фока балагуръ на встрѣчу имъ попался.
Лишь только поравнялся,
Чиниѣхонько поклонъ отдавши обидѣ,
Онъ вымолвилъ такое слово:
Здорово
И честный человекъ и плутъ!
Здорово, добрый шутъ,
Сказалъ Назаръ смѣясь; а Климъ—попчасъ взбѣсился
И съ Фокой сильно побранился.

Хоть пришла эта и преста,
Но форма иребуешь скрѣпиль *правоутенемъ*;
Ешо шутку общую считаешь оскорбленьемъ,
Тотъ признается самъ, что совесть не чиста.

МЪЛКОВОДИЕ ЛЕТЫ.

Скончался Бавій нашъ! и вошь его шворенья
Погружены въ рѣку забвенья:
И — не пошли на дно!...
Ну, это мудрено,
Промолвилъ Аполлонъ съ досадою;
Ужель и Бавію безсмертіе наградою?
Всѣ скажутъ, Господа, что насъ оны подкупили,
Да дѣлать нѣчего, Меркурій говорилъ,
Причиной не приспирасье Лешы,
А новошкольнички Романшички-Поэты:
Оны ихъ во всей рѣкѣ такой навалень соръ,
Что Бавія не шенець вздоръ.

КЛИТЬ И КНИГА.

Клишь въ книгу заглянулъ, прочелъ спороку, другую—
И такъ швырнулъ ее! А книга — Фенелонъ.
Да чтожь съ нимъ сдѣлалось?... О! Клишь имѣлъ резонъ:
Наборщикъ позабылъ поставишь запяную.

Списки не хипрые! но, каковы ни ешь,
Инымъ начальникамъ не худо ихъ прочеснь.

ОСТОРОЖНЫЙ СЛѢПЕЦЪ.

Слѣпецъ въ одной рукѣ хрустальную несть вазу,
Въ другой держалъ зазженную свѣчу:
То было ночью. — Кумь! и вѣришь не хочу,
Чтобъ выкинулъ такую ты проказу,
Сказалъ съ нимъ встрѣился Антонъ;
Помилуй, что тебѣ въ огнѣ? Вѣдь онъ
Свѣши хопъ солнышкомъ, а для себя нѣтъ прока.
— Любезный! отвѣчалъ слѣпой,
Ей, ей, не заслужилъ я своего упрѣка!
Ты безъ огня сполкнухъся могъ со мной,
И я лишился бы сей вазы дорогой.

Уже ли не найдешь, чашашель, здѣсь урока!
Я на ушко скажу тебѣ:
Полезный для другихъ, полезентъ самъ себѣ.

ПРИВИДѢНІЕ.

ПОЭМА

ВЪ ОСЬМИ ОТДѢЛЕНІЯХЪ СЪ
ЭПИЛОГОМЪ.

СПбГУ

ПРИВИДѢНІЕ,

ПОЭМА.

I.

Вотъ и послѣдній лучъ погнѣхъ!
«Еще часотикъ — вѣтръ бушуетъ!»
Ахъ, нѣтъ! пропѣлъ уже пѣтухъ,
Родимая по мнѣ поспеуетъ!
«Прости жѣ, мой милой, Богъ съ тобой!» —
И бѣлоснѣжною рукой
Она его перекрестила,
Поцѣловала — и шайкомъ,
Не спукнувъ кованымъ кольцомъ,
Черезъ калашку пропустила...
И онъ въ слезахъ разстался съ ней!
Идешь — идешь — проходишь поле,
А шемнопа все болѣ, болѣ,
А буря опчасу сильнѣй!
Онъ въ боръ вошелъ, сосновый гнется!
Тамъ вой испуганныхъ волковъ,

Крикъ врановъ, филиновъ и совъ,
 Гонимыхъ бурей изъ дупловъ,
 Ошсюду въ слухъ его несется!
 Идешь съ дрожащею душой,
 Дыханье перевести не смѣешь...
 Но вопль и боръ уже рѣдѣешь,
 Лишь не рѣдѣешь мракъ ночной.

II.

Несчастный! не спиши, поспой!
 Къ какимъ пы бѣдсвѣямъ спремилъся?
 Напрасно пы достигнуть яслишишься
 Своей горящей семьи!
 Не будетъ милого привѣща!
 Въ бору останься до разсвѣща!
 Недобрый всѣ шаги швои
 Съ улыбкой адскою считаешь...

III.

Она вышла изъ бору. — Она знаетъ,
 Что близъ дороги Божій храмъ
 Усопшикъ въ мирѣ осѣняетъ;
 Она помнитъ: за оградой шамъ

Лежишь безъ клира погребенный,
 Молишвы по душѣ лишенный
 Великій ерешикъ, коцунъ,
 Самоубійца, злой колдунъ...
 Слыхали, что изъ домовища
 Онъ вышелъ на холмъ стоишь,
 И съ дикимъ хохоломъ кричишь,
 Тревожа пшшину кладбища;
 Что, принималъ видъ звѣрей,
 Сдираешь съ проходящихъ кожу,
 Завершываешь ихъ въ ротожу,
 И, какъ побѣдный свой профей,
 Привѣшиваешь къ огороду;
 Или — завѣлный вѣчный врагъ
 Всему крещеному народу —
 Кидаешь съ высоты въ оврагъ,
 Или съ камнемъ опускаешь въ воду.

IV.

Несчастный! не слыши, лосной!
 Забылъ тебя Хранишель швой!
 Ахъ, если бы воображенье
 Тебѣ представило шо могло,
 Что съ дѣвицей произвело
 Твое поспѣшно удаленье!...

« Спаси его , Всесильный Спасъ ,
 Спаси въ сей страшной бури гасъ! »
 Она предъ образомъ взывала
 Съ сердечной вѣрою , въ слезахъ —
 И на песовую упала ,
 И препенъ смертный на устахъ ,
 И вся она въ оцѣненъи!
 Сбѣжался къ ней — и на бѣду
 Она въ безпамятствѣ , въ бреду ,
 Все молишь о живомъ спасеньи!
 Узнала мать , узналъ отецъ
 Союзъ невѣдомый сердце
 И мыслятъ объ одномъ оцѣненъи .

V.

Онъ тихо продолжаешъ путь —
 И передъ нимъ пошъ холмъ ужасный!
 И дыбомъ волосъ , бьешся грудь ,
 Но всходивъ на него несчастный!
 Едва слышалъ онъ при шага ,
 Какъ вдругъ — наскнулъ на рога!
 Хопилъ креспомъ онъ оградилъся ;
 Никакъ не могъ пошевелилъся :

Вмигъ что-шо, — обхвативъ его,
Не допустило до шого.
Волъ руку онъ освобождаетъ —
Рука мохнатое встрѣчаетъ!
Тогда, собравъ ошашнокъ силъ,
Онъ крѣпко за косму схватилъ,
И палецъ безъ чувства!...

VI.

Разсыпалась.

VII.

Когда жъ огнеобразный лучъ
Царя природы показался —
Разсыпалась громада пучъ
И вихрь губительный промчался.
Настала всюду тишина!
Несетъ цвѣтъ радужный волна,
Листочки только дождь спрыскающъ,
Цвѣтныхъ головки поднимающъ,

Пернатыхъ раздаеся хоръ —
 Все иѣжишь сердце, слухъ и взоръ!

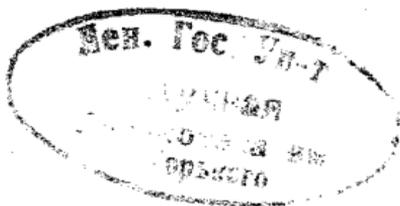
VIII

Бѣднякъ очнулся. Первымъ взглядомъ
 Онъ въ изумленье приведенъ...
 Большой козель лежишь съ нимъ рядомъ,
 Къ земль рогами пригвожденъ,
 Къ рукъ привязанъ бороною...
 Спарикъ спойшь надъ головою
 И мечъ булашный занесенъ!
 За дочь, кричишь онъ, мщенье, мщенье!
 Злодѣй! ты долженъ мершвымъ лечь...
 Спаруха машь опводишь мечъ,
 Рыдаешъ, молишь о прощенъ...
 Несчастный вспалъ, и вмигъ къ ногамъ
 Разгнѣваннаго повалкъся...
 Козель бѣгомъ... Спарикъ смирился —
 И разошлись по домамъ!
 Сварили медъ, госпей созвали
 И свадебку зашировали.

Э П И Л О Г Ъ .

Спупай, моя Поэма, въ свѣтъ!
Спупай, бессонницы шворенье!
Въ щербъ нѣтъ складу, правилъ нѣтъ...
Услышу многихъ одобренье!
Но если строгій приговоръ.
Данъ будешь кришикомъ спеневнымъ?
Что дѣлашь! голосомъ смиреннымъ
Скажу: бумага щерпишь вздоръ.

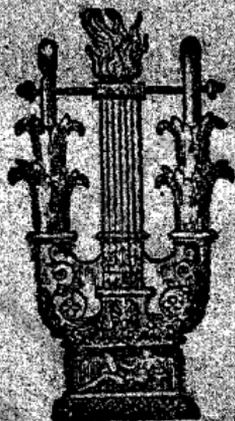
К О Н Е Ц Ъ .

123

СПбГУ

China

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
САДИНА ПО 3 РУБЛ.